

Вань Яо полулежала в кресле из сандалового дерева, обитом мягкими подушками. Её иссиня-черные волосы были небрежно уложены в прическу доумагай, а несколько выбившихся прядей, падая на щеки, подсвечивались мягким серебристым сиянием от жемчужины, которую она держала в ладони. Сегодня на ней было платье из простого лунно-белого шелка с вышитыми на воротнике и рукавах темно-серебристыми облаками. При каждом движении рук ткань струилась мягким светом, придавая ей поистине неземной, возвышенный вид. Жемчужина в её руке медленно вращалась, испуская слабое мерцание, которое отражалось в её глазах, будто в них рассыпались звезды:

— Знаете ли вы, что ваша матушка — не простая смертная?

Ли Минлэй вскрикнул и отпрянул, словно испуганный зверек. Воротник его ярко-желтого короткого халата распахнулся, обнажая ключицы, а подвешенный на шее амулет долголетия при каждом движении издавал мелодичный звон. У парня были густые брови и большие глаза; сейчас он вытаращил их так, что стал похож на удивленного ребенка, а длинные густые ресницы задрожали, как крылья бабочек:

— Матушка хочет сказать... вы небожительница?

— Можно и так сказать.

Вань Яо слегка повела пальцем, и серебряные серьги с кисточками качнулись, отбрасывая на шею тонкие тени. Жемчужина внезапно превратилась в два потока света и вошла прямо в переносицы братьев. Ли Минъюй и Ли Минлэй ощутили, как по телу разливается тепло, накопленная от государственных дел усталость исчезла, а дыхание стало свежим и чистым, словно они вдохнули утреннюю росу.

— Изначально я была небожительницей с Куньлуньской пустоши, — неторопливо продолжила она, машинально поглаживая нефритовый браслет на запястье. Камень в свете жемчужины переливался мягким блеском, а голос её стал призрачным и далеким, сплетаясь с ароматом сандала в углах покоев. — Я спустилась в мир смертных, чтобы пройти испытание любовью, и стала вашей матерью. Нынешняя поездка в храм Линъянь была необходима, чтобы укрепить мою небесную сущность.

Ли Минъюй резко поднял голову. Воротник его лунно-белого парчового халата натянулся, обнажая четкую линию подбородка. Он был очень похож на отца в молодости, но в его облике было больше мягкости и книжной утонченности. Сейчас, нахмурившись, он выглядел куда более суровым, чем обычно:

— Сын... сын и не подозревал, что у матушки столь необычное происхождение.

Хотя он был человеком рассудительным, ему доводилось слышать легенды о любви небожителей и смертных, но он никогда не думал, что его собственная мать, которой он каждое утро и вечер приносил почтение, действительно принадлежит к сонму небожителей.

Ли Минлэй, будучи помладше, сразу же поверил своей матери. Он коснулся переносицы, где еще оставалось тепло, и его нос с небольшой горбинкой забавно сморщился:

— Неудивительно, что матушка всегда говорила, что меня ждет великое будущее! Оказывается, я потомок небожителей!

Вань Яо с трудом сдержала улыбку и вытащила из волос золотую заколку в виде феникса. Птица вдруг взмахнула крыльями, и золотисто-красный шлейф света закружился по залу, осыпая подолы её платья искрами, похожими на россыпь звезд. Её кожа, белая как снег, в этом золотом сиянии казалась почти прозрачной. Она вернула заколку на место:

— Все эти годы во дворце я скрывала свою истинную сущность, чтобы не потревожить судьбу смертного мира. Но теперь, когда вы оба возмужали и можете твердо стоять на ногах, пришло время открыть вам правду.

Ли Минъюй, как наследный престол, привыкший к строгому этикету, первым делом низко поклонился. Его стройная фигура в лунно-белой парче выглядела величественно, а черный нефритовый пояс подчеркивал узкую талию. Его движения были исполнены такого почтения, словно он совершал обряд поклонения:

— Матушка хранила такую тайну, сын... сын в смятении.

— Глупый ребенок.

Вань Яо потянула его за руку, заставляя сесть рядом, и провела пальцами по нефритовой пластине на его запястье, которая согрелась от его тепла. Её подушечки пальцев, огрубевшие от многолетних упражнений с мечом, коснулись его прохладной кожи, даря странное чувство уюта:

— Кем бы я ни была, небожительницей или смертной, я прежде всего ваша мать. Но сейчас, когда мое испытание еще не завершено, мне нужна ваша помощь.

Ли Минлэй ударил себя в грудь, обещая поддержку, при этом рукав его желтого халата сполз до локтя, обнажая крепкое предплечье с мозолями от тренировок с луком:

— Матушка, только прикажите! Не то что помощь — я в огонь и воду готов прыгнуть, даже глазом не моргну!

Несмотря на его простодушный вид, сейчас он был предельно серьезен, что выглядело даже мило.

Вань Яо смотрела на их восторженные лица, и в её глазах мелькнула хитринка — все-таки эти мальчишки оказались доверчивыми. Она нарочито вздохнула и провела пальцем по краю чайной чашки:

— Болезнь вашего отца — дело непростое. Пора бы уже очистить двор от нечисти, что там завелась.

Ли Минъюй нахмурился, его лицо стало мрачным:

— Сын тоже чувствовал неладное. Императорские лекари твердят, что это обычная простуда,

но отцу становится только хуже...

— Это не простуда.

Вань Яо сгустила на кончике пальца свет и начертала в воздухе искаженную черную тень. Когда она упала на пол, то продолжила извиваться, словно сгусток чернил. Взгляд Вань Яо стал острым, пронзающим самую суть:

— Кто-то использует скверну, чтобы подорвать основы государства.

Братья застыли в изумлении. Ли Минъюй сжал кулаки так, что побелели костяшки:

— Кто посмел на такое?!

— Не спешите.

Вань Яо развеяла сгусток тьмы, сделала глоток чая и загадочно улыбнулась:

— Я помогу вам во всем разобраться. Но прежде вы должны поверить мне и беречь себя.

Ли Минъюй решительно кивнул, его спина выпрямилась, словно клинок, готовый выйти из ножен:

— Будьте спокойны, матушка, я все понял.

Солнечный свет пробивался сквозь резные оконные рамы, отбрасывая на золотистый пол причудливые тени. Вань Яо смотрела на своих сыновей — один мягкий, как нефрит, другой дерзкий, как леопард — и вдруг подумала, что это испытание любовью не так уж и тягостно. По крайней мере, теперь она не одна.

К вечеру старый император прислал весть, что чувствует себя неважно, и велел сыновьям не приходить. Братья переглянулись, понимая друг друга без слов. У Ли Минъюя глаза покраснели от недосыпа, а у Ли Минлэя покраснел нос — видимо, простудился, пока носился днем.

— Матушка, — тихо произнул Ли Минъюй, сжимая в рукаве нефритовый амулет для передачи посланий, — я немедленно начну слежку за людьми из окружения отца, особенно за теми новыми лекарями.

Вань Яо отправила в рот кусочек пирожного с османтусом, перепачкавшись в сахарной пудре, и пробормотала:

— Идите. Только действуйте тихо. И еще... — она окликнула их, когда они уже собирались уходить, и постучала пальцем по столу. — Пусть об этом не знает никто третий. Даже ваш отец.

Ли Минлэй моргнул:

— Даже генерал Линь Юньфэн?

Он никогда не встречал Линь Юньфэна, но слышал от воинов Черного Волка, что когда матушка покидает дворец, генерал всегда приставляет к ней незримую охрану, а в карете для неё всегда приготовлены любимые сладости.

Вань Яо приподняла бровь, в её глазах блеснула искорка:

— Он? Он не чужой.

Братья переглянулись. Они вдруг поняли, что у этого таинственного генерала, которого они еще не видели, отношения с матушкой куда глубже, чем кажется. Но сейчас их мысли были заняты лишь тем, чтобы поскорее очистить дворец от скверны и помочь матушке пройти её испытание.

Свечи в Куньнингун горели до глубокой ночи, отбрасывая на окна три силуэта, склонившихся в оживленном разговоре. А далеко в деревне Синхуа Линь Юньфэн глупо улыбался, глядя на зевающую дочку и тыкая пальцем в её сморщенный носик, даже не подозревая, что его уже включили в грандиозный «небесный план».

<http://bllate.org/book/18849/1837700>